

Е. М. ЮХИМЕНКО

«История Выговской пустыни» Ивана Филиппова: нерешенные проблемы

«История Выговской пустыни» Ивана Филиппова была одним из первых старообрядческих памятников, опубликованных в начале 1860-х гг. в преддверии Великих реформ и на волне пробуждения интереса русского общества к движению сторонников древнего благочестия. Это издание осуществил в 1862 г. Дмитрий Ефимович Кожанчиков (ок. 1821—1877),¹ владелец популярного книжного магазина в Петербурге (Невский проспект, 54), книгоиздатель либерального направления, близкий знакомый В. И. Кельсиева и, по свидетельству современника, сам старообрядец.² В издательской программе Д. Е. Кожанчикова³ книги по истории старообрядчества занимали важное место; глубоко продуманный подбор памятников и исследований давал достаточно полное и всестороннее представление об этом явлении русской жизни. Раннему периоду были посвящены «Житие протопопа Аввакума» (1862) и «Три челобитные»⁴ (1862), истории старообрядчества в XVIII в. — сочинение Ивана Филиппова и «Рассказы из истории старообрядства» С. В. Максимова (1861). На материале подлинных документов Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии основывалось двухтомное исследование-публикация Г. В. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия» (1861—1863. Т. 1—2). Анализ основных памятников старообрядческой литературы XVII—XVIII вв. давало «Описание раскольничьих сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Записки Александра Б.» (1861) архимандрита Никанора (Бровковича), ректора Саратовской духовной семинарии.⁵ Трудно переоценить общественное

¹ О нем см.: Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т.: Кнаппе—Кюхельбекер. С. 34; *Мезьер А. В.* Словарный указатель по книговедению. Л., 1924. Стб. 378—379; *Баренбаум И. Е.* Книжный Петербург: Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб., 2003. С. 245—248; Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 333.

² *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М.; Пг., 1923. С. 152.

³ Перечень изданий см.: Знакомые: Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. С. 18.

⁴ Три челобитные. Справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862.

⁵ Архимандрит Никанор (в миру Бровкович Александр Иванович, 29.11.1826—27.12.1890) — ректор Саратовской духовной семинарии и настоятель Саратовского Спасо-Преображенского монастыря (1857—1864), впоследствии доктор богословия (1869), почетный член Санкт-Петербургской Духовной академии (1886) и Академии наук, епископ Аксайский, викарий Донской епархии (1871—1876), епископ Уфимский и Мензелинский (1876—1883), архиепископ Херсонский и Одесский (1883—1890).

значение этих публикаций; научной же ценности некоторые из них, и прежде всего «История Выговской пустыни», не утратили до настоящего времени. Благодаря изданию Д. Е. Кожанчикова сочинение Ивана Филиппова (подготовленное под редакцией Г. В. Есипова⁶ и к тому же по наиболее полному, исправному списку) прочно вошло не только в научный оборот как важнейший источник по истории Выговского поморского центра, но и в круг чтения любителей отечественной истории как произведение, рисующее яркие, образные картины старообрядческого освоения Русского Севера, как патерик, описывающий подвиг первооснователей этого крупнейшего в России оплота старой веры.

Научное изучение «Истории Выговской пустыни» началось за год до публикации памятника — в 1861 г.: в «Описании некоторых сочинений» ему была посвящена отдельная обширная глава.⁷ В дальнейшем к этому сочинению обращались все исследователи, занимавшиеся выговским старообрядчеством и литературной школой Выга: И. Ф. Нильский, Е. В. Барсов, В. Г. Дружинин, Н. В. Понырко, Н. С. Гурьянова.⁸ Однако, на наш взгляд, в изучении «Истории» Ивана Филиппова остался ряд нерешенных проблем, касающихся истории ее создания, использованных автором источников, соотношения с другими выговскими произведениями исторической тематики.

Биография Ивана Филиппова, несмотря на существование целого ряда источников, в том числе автобиографической «Исповеди» и Жития, не прояснена до конца. Традиционно годом рождения выговского историка считается 1661 г., что следует из «Надсловия» к «Истории Выговской пустыни», в котором сообщается о смерти киновиарха в 1744 г. в возрасте 83 лет.⁹ В то же время в ревизской «скаске» 1720 г. значилось, что на этот момент Ивану Филиппову было 55 лет,¹⁰ а в 1739 г. сам Иван Филиппов показывал, что «от рождения ему восемьдесят четвертый год».¹¹ Неизвестно точно и время прихода Ивана Филиппова в Выговскую пустынь. Сводная редакция Выго-Лексинского летописца, составленная, по нашему мнению, около 1819 г. лексинской грамотницей Феодосией Герасимовой, указывает следующие хронологические ориентиры: приход Ивана Филиппова в Выговскую пустынь в возрасте 35 лет и 40 лет его пребывания там.¹² Другие сочинения

⁶ «Из сочинений Байрона надо вырезать несколько страниц...»: Из воспоминаний помощника цензора / Публ. Е. Китловой // Источник. 1999. № 1 (36).

⁷ *Никанор (Бровкович), архим.* Описание раскольникових сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола: Записки Александра Б. СПб., 1861. Т. 1. С. 194—262.

⁸ Историографию вопроса см.: *Понырко Н. В.* Иван Филиппов // *Словарь книжников*. Вып. 3, ч. 2. С. 20—23; *Гурьянова Н. С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996. С. 75—78.

⁹ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 480 (далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте). Эти же сведения повторяют и составленные на Выгу не ранее середины XVIII в. синодичные записи. См.: *Помяник выговских отцов* // *Маркелов Г. В.* Писания выговцев: Каталог-инципитарий. Тексты: По материялам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб., 2004. С. 242; *Юхименко Е. М.* Выго-Лексинский летописец: История текста и создания // *ТОДРЛ*. СПб., 2006. Т. 57. С. 277.

¹⁰ РГБ, собр. Барсова, № 5, л. 2 об.

¹¹ *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 549.

¹² *Юхименко Е. М.* Выго-Лексинский летописец // *Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России*. СПб., 2003. С. 281.

третьей четверти XVIII в., проанализированные Н. С. Гурьяновой, говорят о том, что на Выгу Иван Филиппов прожил более 40 лет.¹³

Представляется необходимым, именно в связи с анализом «Истории Выговской пустыни» — для понимания, с какого времени сам историк мог быть «самовидцем» описываемых событий, — вновь обратиться к выяснению главных дат его биографии. Учитывая разночтения выговских источников, мы, видимо, должны отдать предпочтение официальному документальному свидетельству, согласно которому отец Ивана Филиппова — вышедший из-за шведского рубежа Филипп Осипов в августе 1667 г. еще не был женат: «...в Николском Шуйском погосте корельской выходец Филка Осипов одинок, непашенной человек, живет по подворьям, кормитца от писма земским дьячком, а деревни у него и пашни нет».¹⁴ Согласно тому же источнику, Иван Филиппов «отлучился от дому» в Выговское общежительство в 1706 г.¹⁵ Обращает на себя внимание, что эти сведения согласуются с данными Сводной редакции Выго-Лексинского летописца, согласно которым год рождения Ивана Филиппова определяется как 1669-й, год его прихода в пустынь — 1704 г. В этом случае речь может идти о первом приходе в Выговскую пустынь: тогда Иван Филиппов «скитаяся по оной з годищное время кое-где», сомневаясь в правильности беспоповского перекрещивания, а приняв его, т. е. соединившись в молитвенном общении с выговскими отцами, пробыл «после сего во оной пустыне некое время, возвратився в дом свой»; «бывши же тамо несколько», решил переселиться на Выг со всей своей семьей.¹⁶ Именно это событие по логике вещей должно было указываться в документах местного делопроизводства, и, следовательно, именно оно датируется 1706 г.

Эта дата вполне согласуется с последующими обстоятельствами жизни Ивана Филиппова и теми скудными хронологическими указаниями, которые содержит его Житие. Будущий выговский историк поселился с семьей при реке Лексе, ниже Надеждина скита и «живяше тут з годищное время».¹⁷ Таким образом, следующий факт его биографии — заключение в новгородской тюрьме — следует отнести к 1707 г., что соответствует историческим обстоятельствам того времени: скорее всего, именно в период «голодных» 1705—1712 гг. Иван Филиппов мог отправиться в Новгород для «прошения на пропитание».¹⁸ В заключении выговец провел более 4 месяцев и был освобожден благодаря поручительству новгородского «купецкого человека» М. И. Сердюкова (будущего известного гидротехника, стро-

¹³ Гурьянова Н. С. Иван Филиппов: Материалы к биографии // Общественное сознание, книжность, литература периода позднего феодализма. Новосибирск, 1990. С. 27—29. Представляется, что фразу Жития Ивана Филиппова («Аще бе и немало к сему препятствовало самое мироугодное тридесятилетное жизни его тогдашнее время...») можно толковать не только как точное указание на 30 лет от роду, но и чуть шире: как указание на прожитые три десятка лет.

¹⁴ Цит. по: Капусти Л. И. Новые данные к истории семьи Ивана Филиппова // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. [Вып. 1]. С. 209.

¹⁵ Там же. С. 209.

¹⁶ Гурьянова Н. С. «Житие» Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода: (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 240, 244—245.

¹⁷ Там же. С. 245.

¹⁸ Там же.

ителя Вышневолоцкой водной системы). Иван Филиппов вернулся домой и прожил здесь с семьей еще «лет семь»¹⁹ и только затем, после случившегося пожара, т. е. около 1714 г., переселился в Выговское общежительство. К данному году относил свое время появления в общежительстве и сам Иван Филиппов, в допросе 8 апреля 1739 г. показавший, что «в Выгорецком общежительстве жительство имеет тому уже двадцать пятый год».²⁰

Таким образом, критический разбор всей совокупности сведений документальных и повествовательных источников позволяет нам принять в качестве наиболее достоверных следующие даты основных событий в биографии Ивана Филиппова: 1669 г. — год рождения, 1704 г. — первый приход в Выговскую пустынь, 1706 г. — окончательное переселение сюда вместе с семьей и жительство в скиту на реке Лексе, 1707 г. — заточение в Новгороде, 1714 г. — переход в мужское общежительство. Как представляется, эти даты, а не более ранние, предложенные в статье Н. С. Гурьяновой, соответствуют обмолвкам Ивана Филиппова, который в «Истории Выговской пустыни», вспоминая о первооснователях Андрее Денисове и Петре Прокопьеве, пишет: «Но мы, грубии, после приидохом за несколько лет, токмо застасом овое их боголюбивое житие, а овое слышахом от прочих с ними жителей, от Захария Стефанова и от прочих» (с. 91).

В биографии Ивана Филиппова было два момента, явившихся предметом последующих острых духовных переживаний и побудительными мотивами для искреннего покаяния. Придя на Выг, шуйский крестьянин около года не соглашался принять старообрядческое крещение. Второй эпизод связан с тем, что, оказавшись в заключении в новгородской тюрьме, Иван Филиппов не нашел в себе достаточно сил, чтобы открыто заявить о своей принадлежности к старообрядчеству. Убоявшись истязаний, он осенил себя крестным знаменем троесперстно. Примечательно, что интерес выговского историка к проблеме истинного христианского крещения отразил и текст «Истории Выговской пустыни». В главу, посвященную соловецкому иеродиакону Пимину и «гари» в Березовом наволоке, Иван Филиппов включил рассказ о том, что пришедшие в собрание отца Пимины крестьяне стали просить просветить их святым крещением, что и было исполнено иноком («Еще о оном же отце Пимине слышахом от достоверных мужей и писанию сие предаю...» — с. 32). Центральное место в главе об Иване Внифантьеве — в отличие от его Жития — занимает восходящее к рассказу Луки Федорова повествование о раздумьях выговского трудника относительно крещения и его крещении перед смертью.²¹ Возможно, личные обстоятельства и собственные прежние сомнения заставляли Ивана Филиппова внимательно прислушиваться к рассказам о перекрещивании (а может быть, и собирать их).

В течение 10 лет пребывания в общежительстве Иван Филиппов сумел завоевать авторитет выговских отцов и насельников. В 1726 г. он уже вхо-

¹⁹ Там же. С. 248.

²⁰ *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 549. Видимо, эту дату в отличие от возраста у Ивана Филиппова не было нужды искажать.

²¹ Подробнее см.: *Юхименко Е. М.* Ранняя выговская агиография: Житие Ивана Внифантьева // О древней и новой русской литературе: Сб. в честь Н. С. Демковой. СПб., 2005. С. 163—164.

дил в число членов выговского собора.²² Точно известно, что в 1730 г. Иван Филиппов был выговским стряпчим и посылался по делам общежительства на Олонец и в другие города (с. 217, 219, 221). По-видимому, хорошая грамотность и навык в ведении мирских дел были унаследованы выговским историком от отца, земского писаря.

В сентябре 1740 г. после отказа Трифона Петрова и Никифора Семенова принять на себя тяготы настоятельства выбор умирающего киновиарха Семена Денисова († 25 сентября 1740 г.) пал на Ивана Филиппова, и сколько тот ни отказывался и в беседе наедине, и при всем соборе, решение не изменилось. Четыре года настоятельства Ивана Филиппова, до его смерти 3 декабря 1744 г., были для выговского историка тяжелым временем: видимо, не столько его преклонные лета (как принято считать в литературе; а если полагать датой его рождения 1669 г., то Ивану Филиппову в 1740 г. был только 71 год), сколько осознание собственного бессилия, невозможности справиться с теми «нестроениями», которые внесла во внутреннюю жизнь Выга работа следственной комиссии 1739—1743 гг., и вернуть строгий и стройный порядок времен братьев Денисовых.

Творческое наследие писателя Ивана Филиппова помимо четырех исторических сочинений — «Истории Выговской пустыни», «Истории краткой о ответах», «Повести о злоключении на Выговскую пустыню... чрез злого бесчинника Ивана Круглого» и Повести о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг. — включает слово на 40-й день по кончине Андрея Денисова, два послания, поучение на Богоявление Господне, редакции 4 слов на церковные праздники и две исповеди.²³ Глубокое усвоение Иваном Филипповым стилистических основ выговской литературной школы наиболее очевидно проступает в его сочинениях неисторического жанра.

Обращает на себя внимание тот факт, что последние годы жизни Ивана Филиппова, совпавшие с недолгим периодом киновиаршества (1740—1744), отмечены напряженной литературной работой (что также, на наш взгляд, подтверждает более позднюю дату его рождения): если мы оставим в стороне фундаментальную «Историю Выговской пустыни», то окажется, что из 13 сочинений значительно меньшего объема 11 были написаны в эти годы. Кроме того, тогда же под руководством Ивана Филиппова велась работа по составлению второй редакции Поморского Торжественника.²⁴ Как нам уже приходилось писать ранее,²⁵ в 1740—1744 гг. Иван Фи-

²² В этом качестве он поставил подпись под постановлениями 18 декабря 1726 г., уставными статьями 1731 и 1732 гг. и приговором января 1738 г. См.: *Поньрко Н. В., Бударагин В. П.* Автографы выговских писателей // *Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома.* Л., 1985. С. 184, 196, 199.

²³ *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 260—261, № 1—5; *Юхименко Е. М.* Новонайденные сочинения выговских писателей // *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 117—120, № 453—460.

²⁴ *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 147—155.

²⁵ *Юхименко Е. М.* 1) Неизвестный выговский писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисьевича» // *ТОДРЛ.* СПб., 1993. Т. 46. С. 444; 2) Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 147—149, 151—155.

липпов работал с постоянными литературными сотрудниками — Алексеем Иродионовым и Гавриилом Максимовым, с последним он сотрудничал еще в 1733—1740 гг. при работе над редактурой Кирилло-Епифаниевского житийного цикла.²⁶ Тщательная, многослойная работа названных книжников над текстом отражает одну из особенностей выговской школы.

Безусловно, центральным памятником в творчестве Ивана Филиппова и одним из главных, «программных» сочинений выговской школы является «История Выговской пустыни». Это большое по объему и сложное по составу произведение было недавно изучено Н. С. Гурьяновой, выявившей 17 рукописных списков, выделившей две редакции текста — Пространную и Краткую и охарактеризовавшей принципы редактирования «Истории» и работы Ивана Филиппова как историка и писателя.²⁷ Однако, как отметила сама автор монографии, исследование памятника еще не может считаться завершенным.²⁸

Выговское общежитие оказалось единственным старообрядческим центром, предпринявшим широкомасштабный сбор сведений о поборниках древнего благочестия в России. Идея, питавшая это предприятие, заключалась в осознании выговцами своей преемственности по отношению к первым подвижникам и своей роли в деле сохранения старой веры. Результатом явилось создание цикла исторических сочинений о старообрядческом движении второй половины XVII—первой половины XVIII в. В 1710-е гг. Семеном Денисовым была написана «История об отцах и страдальцах соловецких», посвященная Соловецкому «сидению» 1668—1676 гг., в 1730—1733 гг. им же был создан «Виноград Российский» — мартиролог пострадавших за старую веру, начиная с епископа Павла Коломенского, протопопы Аввакума и его союзников и кончая страдальцами — земляками выговцев: жителями Корелы, Олонца, Кеми, Каргополя, Чаронды.

«История Выговской пустыни» была задумана как заключительная часть этого исторического триптиха. Общая концепция цикла, связанного с большой подготовительной работой по сбору материалов, сложилась еще при жизни Андрея Денисова и, скорее всего, принадлежала первооснователям, инициировавшим и другие фундаментальные церковно-книжные начинания Выга, — Андрею и Семену Денисовым и Петру Прокопьеву. Единая нить историографической концепции Выга была не только освоена и глубоко продумана Иваном Филипповым, но стала структурообразующей идеей его «Истории».

Исследователи давно обратили внимание на особый статус первых 18 глав «Истории»: И. Ф. Нильский, В. Г. Дружинин полагали, что они не относятся к авторскому тексту памятника; современные ученые (Н. В. Поньрко, Н. С. Гурьянова) не разделяют этой точки зрения. Отмечались также сюжетные и тематические повторы (архимандрит Никанор, И. Ф. Нильский, Н. С. Гурьянова), автор «Описания некоторых сочинений» указывал даже на отсутствие видимой логической связи и предлагал разделить главы

²⁶ Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 161—169.

²⁷ Гурьянова Н. С. История и человек... С. 75—154.

²⁸ Там же. С. 101, 115.

«Истории» на 10 разделов.²⁹ Как нам представляется, отмеченные факты могут иметь иное объяснение.

Внимательный анализ текста памятника³⁰ показывает, что «История Выговской пустыни» состоит из четырех больших частей, связанных с общим замыслом произведения и существенно различающихся в идейно-жанровом отношении. Каждая из этих частей имеет отдельное пространное предисловие.

Первая часть (главы 1—18 по изданию Д. Е. Кожанчикова) посвящена предыстории Выговского общежития — распространению старообрядчества в Обонежье, описанию деятельности здесь представителей начальной истории староверия — соловецких иноков Игнатия, Германа, Иосифа, Пимины; духовные связи с ними (что Иван Филиппов будет усиленно подчеркивать во второй части сочинения) обеспечили Выговскому общежитию преемственность с первыми учителями старообрядчества. Историческое по жанру повествование начальных глав «Истории» было призвано показать сохранение истинной веры духовными наставниками будущих основателей Выга; не случайно здесь говорилось о связи инока Пимины с одним из первых соловецких страдальцев Иваном Захарьевым (с. 28—29), о проречении соловецкого юродивого Гурия старцу Игнатию (с. 46). Эта мысль о сохранении и распространении веры отчетливо высказана в 1-й главе, которую можно рассматривать как предисловие к первой части «Истории»: «Древнии же писатели, еврейстии же и язычестии, писаша в своих летописцах и историях жития древних царей, како царствоваша, и како грады созидаша и содержаша и царства своя распространяху; такожде и христианстии повестописци писаша о церковном состоянии и о престатии идольскаго нечестия, о проповеди евангельской во всем мире и о здании честных обителей {...} Тому же обычаю и мы последующе...» (с. 1).

Первая часть «Истории» включает обширное «Сказание о стоянии православныя христианския веры в Российской земли» (гл. 2), содержащее пространные заимствования из предисловия к «Винограду Российскому», что указывает на нижнюю границу создания этого текста — 1733 г.; обратим внимание на то, что этот памятник Иван Филиппов называет «новой историей страдальческой» (с. 18) и «нынешней мученической новой историей о страдальцах» (с. 26). За вступительной главой следуют рассказы о знаменитых поморских «гарях»: Каргопольских 1683—1684 гг. (гл. 13), двух Палеостровских 1687 и 1688 гг. (гл. 4, 7), Пудожской 1693 г. (гл. 12), в Березовом наволоке 1687 г. (гл. 3). К известиям о менее значимых «гарях» (гл. 8—11) примыкают четыре небольшие главы о самосожжениях более позднего времени (гл. 15—18), в том числе 1732—1734 гг.

Истории собственно Выговского общежития посвящена вторая часть памятника (гл. 19—61). В обширном предисловии к ней (гл. 19)

²⁹ Никанор (Бровкович), архим. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Т. 1. С. 205—206.

³⁰ После большой работы, проведенной Н. С. Гурьяновой, мы с полным основанием можем опираться на текст, изданный Д. Е. Кожанчиковым: он отражает первую, наиболее полную разновидность авторской Пространной редакции памятника, представленную наибольшим числом рукописных списков (6). См.: Гурьянова Н. С. История и человек... С. 79, 212—213.

Иван Филиппов дает сжатый очерк событий 1680—начала 1690-х гг., оказавших уже непосредственное влияние на формирование Выговского общезжителства. И хотя здесь снова появляются наряду с другими уже известные читателю соловецкие иноки Игнатий, Пимин, Герман и Иосиф, однако теперь писатель сосредоточен на выявлении их связей с первыми выговскими жителями. Во второй части «Истории» Иван Филиппов описывает следующий этап и очаг сохранения истинной веры — Выговскую киновию. Как и предисловие к первой части, 19-я глава открывается сравнением, подчеркивающим переход к следующему постулату общей историографической концепции: «Аще убо древнии нечестивии и безумнии еллини умершим родителем и сродником своим честь и славу притворяюще, во имена их столпы и кумиры поставляху и баснями и лжесловием скверная жития их украшаху (...) вечную отсюду память любимым своим сотворити тщасяся, кольми паче нам, возлюбленнии, должно есть благочестивых своих отец пресветлое благочестие и изрядная дела воспоминати...» (с. 76—77).

В 19-ю главу Иван Филиппов почти дословно включил исторический очерк из Слова надгробного Петру Прокопьеву, написанного Андреем Денисовым в 1719 г. (с. 81—90),³¹ на этот источник выговский историограф сослался сам (с. 91). Фрагменты 19-й главы в переработанном и отредактированном виде и с отсылкой на «пространнейшую» историю вошли в текст Окружного послания Ивана Филиппова 1740 г.,³² следовательно, к этому времени предисловие ко второй части «Истории» было написано и общий замысел всего произведения уже сложился.

Вторая часть «Истории Выговской пустыни», так же как и первая, относящаяся к жанру исторического повествования, включает главы, последовательно описывающие начало, строительство и упрочение Выговской обители. Большая часть глав посвящена разным событиям — приходу первопоселенцев, строительству келий и целых обителей, хозяйственному освоению территории, происшествиям, преставлению первых выговских наставников. Хронологический ряд доведен до 1737 г. (гл. 61). Главными действующими лицами выступают основатели пустыни — Даниил Викулин, братья Андрей и Семен Денисовы, Петр Прокопьев. Некоторые главы, находящиеся в начале данной части (гл. 24—30), описывают жизнь и деяния иноков, поселившихся на Выгу и способствовавших формированию монастырских основ староверческой киновии: старцев Виталия, Серапиона, Корнилия, Варлаама, Питирима, Прокопия, Пафнутия и Павла. Эти рассказы ни композиционно, ни тематически не нарушают целостности второй главы, напротив, Иван Филиппов подчеркивает, что деятельность и духовные связи иноков также удостоверяют преемственность Выга по отношению к предшествующему периоду старообрядческой истории.

Следующую часть «Истории» составляют главы 62—120. Если первые две части сочинения Ивана Филиппова по принципам подачи материала соотносимы с «Историей об отцах и страдальцах соловецких», то третья часть совершенно очевидно — с «Виноградом Российским». Самостоятельное и особое значение этой части Иван Филиппов разъясняет в предисловии

³¹ См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 399—400.

³² Гурьянова Н. С. История и человек... С. 97—98.

«О отцех соловецких и прочих и их же благословением населися сия Выговская пустыня» (гл. 62). Историограф распространяет образ винограда, на котором основывалась вся структура старообрядческого мартиролога, на выговских подвижников: «Еще хочу поведати, от чего сей виноград возрасте в сей Выговской пустыни» (с. 275). Как делатели винограда Владычного последовательно представлены: сначала соловецкие выходцы Игнатий, Пимин, Герман и Иосиф и «великие пустынные отцы» Корнилий, Кирилл, Виталий и прочие, насадившие «сей виноград прекрасный своими теплыми молитвами к Богу и учительным оплотом оградиша и слезными потоки напоиша» и «от того же своего отческаго винограда оставиша нам сих чудных ктиторов» — Даниила Викулина, Андрея Денисова и Петра Прокопьева, которые в свою очередь «по их же отческому благословию и пророчеству насадиша сей древлецерковный виноград молитвенным своим к Богу всенощным стоянием и ходатайством, и молением слезным, и учением, и ограждением, и собиранием, и чиноположением» (с. 276—277). Таким образом, в единую цепь связываются все лица, описанные в «Истории Выговской пустыни»; Иван Филиппов, перечисляя в 62-й главе «насадителей выговского винограда», подчеркивал: «о которых в сей истории выше сего повествуется» (с. 267).

Широко используемый в христианской литературе и искусстве образ винограда, обозначающий церковь Христову, восходит к тексту Священного Писания (Пс. 79: 9; Иер. 2: 21; Иер. 12: 10; Ис. 5: 1—7; Лк. 20: 9—16). Иван Филиппов в 62-й главе напоминает читателям об еще одном христианском понятии — о семени, упавшем на добрую почву и принесшем плод «одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13: 8, 23; Мк. 4: 8). «И израстоша от сего их трудолюбнаго винограда, — говорится в предисловии к третьей части «Истории», — многие плоды сторичные, глаголю, чуднии, благии мужи, от обоих обителей, обоего пола, мужеска и женска, многое множество в добром спасителном подвизе и в послушательных трудах, уже множество и к Богу отыдоша в добром намерении христианскою кончиною. Такожде и всю сию Выговскую пустыню насеяша и населиша древлецерковнаго благочестия сады и израстоша, многие шестьдесятный плоды к Богу принесоша» (с. 277). Отсылкой к евангельскому тексту Иван Филиппов обосновывал свое намерение представить в «Истории» не только киновиархов и первых иноков (их решающий вклад в основание Выга был описан во второй части), но и других насельников, также трудившихся на пользу всего общежительства, — нарядников, казначеев, иконописцев, кузнецов, плотников, земледельцев, смолокуров, кожевников, портных, прях, ткачих, охотников, рыбаков, промысловиков; результаты их трудов могли быть расценены если не как сто кратный плод, то во всяком случае как 60-кратный.

Все главы третьей части (за исключением вступительной 62-й и отмечающей переход к женской «теме» 97-й) построены по единому принципу — патерикового рассказа. Именно эта часть «Истории» дала основания иногда называть сочинение Ивана Филиппова патериком. Жанровое единообразие глав дополняется начальными связующими фразами, напоминающими читателю сквозной для этой части образ винограда: «Хочу вашей любви, о боголюбное пустынное собрание, показать мужа, из того же отческаго винограда израстшего...» (с. 277, 330); «В том же отческом винограде возрасте с

первых лет добрая лоза благочестия...» (с. 281); «Из того же отеческого винограда израсте отеческого учения плод...» (с. 344).

В третью часть «Истории» вошли рассказы о представителях первого поколения насельников, пришедших на Выг в 1690-е гг. или несколько позже, уже в общежительство. Судя по указанным и известным из других источников датам, к концу 1730-х гг. многие из них уже умерли. Однако можно заметить и исключения: инок Давыд преставился 28 февраля 1742 г. (гл. 82, с. 315), Стефан Васильев Смольник — осенью того же года (гл. 84, с. 317), Иван Старцов — 11 марта 1743 г. (гл. 86, с. 320), инок Феодосий — 16 мая 1743 г. (гл. 94, с. 337), Симон Иовлев — 10 августа 1743 г. (гл. 96, с. 344). Следовательно, дополнение третьей части «Истории» велось вплоть до последних лет жизни самого автора. Однако удивительно другое: в трех случаях герои глав описываются как живые, об их смерти ничего не сообщается. Речь идет об иконописце Афанасии Леонтьеве (гл. 88), кожевнике Алексее Лаврентьеве Корельском (гл. 89) и Тите с Олонца (гл. 90). Афанасия Леонтьева нам не удалось обнаружить в данных ревизии 1744—1745 гг. Алексей Лаврентьев, как можно понять по тому же источнику, умер на рубеже 1744—1745 гг., так как сначала в переписной книге он значился «на лицо» в возрасте 73 лет, однако затем эти данные были исправлены и написано: «умре». ³³ Есть достаточно оснований отождествить героя 90-й главы «Истории» с Титом Ивановым юродивым, проходившим по трем ревизиям: в 1724 г. в возрасте 28 лет он был приписан к Петровским заводам, в 1744—1745 гг. числился в Выговском общежительстве ³⁴ и умер в 1753 г. ³⁵ Главы 88—90 по стилю ничем не отличаются от прочих и также, видимо, принадлежат Ивану Филиппову (в одном случае, относительно Алексея Лаврентьева, есть даже оговорка: «яже поведи сам писателю сего» — с. 324). Видимо, эти рассказы были записаны при жизни насельников, а позже никто не внес необходимых уточнений.

Четвертую часть «Истории Выговской пустыни» составляют «Повесть о злочючении на Выговскую пустыню, по злодейству диаволу, чрез злаго безчинника Ивана Круглого», имеющая собственную нумерацию глав, и примыкающие к ней главы о смерти Семена Денисова и завершении работы следственной комиссии О. Т. Квашнина-Самарина. Предисловие к Повести вводит события 1739—1744 гг. в общую канву выговской истории. Иван Филиппов подчеркивает, что данное испытание была послано Богом за умножившиеся «грехи и беззакония и всякия неправды» (с. 372), т. е. за отступление от заветов первых выговских отцов. В этой части сочинения, стоящей как бы особняком и логически не вытекающей из предшествующих частей, автор вновь возвращается к жанру исторического повествования.

Таким образом, как показывает анализ содержания и композиции «Истории», тематические и сюжетные повторы, которые расценивались как свидетельство незавершенности работы Ивана Филиппова над текстом, на самом деле являются закономерным следствием авторской концепции: переклички имен в первых трех частях памятника были призваны подчеркнуть непрерывность духовной традиции Выга. Объясним и встречающийся

³³ РГБ, собр. Барсова, № 5, л. 2 об.

³⁴ Там же, л. 11 об.

³⁵ РГАДА, ф. 350, оп. 2, л. 2422, л. 58.

повтор отдельных сведений в повествовании о начале общежительства и в патериковых рассказах о первопоселенцах: разные по жанру, эти части «Истории» имели самостоятельное значение и полнота сведений должна была присутствовать в каждой из них.

Крайне важным, на наш взгляд, является выявление письменных и устных источников «Истории».

Из письменных памятников, фрагменты которых Иван Филиппов включил в свое повествование, выше уже были названы предисловие к «Винограду Российскому» Семена Денисова и Слово надгробное Петру Прокопьеву Андрея Денисова 1719 г. Мы установили факт использования еще трех произведений выговской литературы: Окружного послания Семена Денисова о смерти Андрея Денисова 1730 г., заимствования из которого обнаруживаются в главах о преставлении Андрея Денисова (гл. 43), Даниила Викулина (гл. 54) и Семена Денисова (с. 478); Слова Семена Денисова на 40-й день по смерти Андрея Денисова (гл. 43, с. 475) и Слова надгробного Даниилу Викулину Трифона Петрова (гл. 54, 56).³⁶ Анализ характера использования ряда надгробных слов, посвященных выговским наставникам, в «Истории Выговской пустыни» позволил прийти к выводу о том, что эти произведения явились для Ивана Филиппова первоисточником в отношении как фактических сведений, так и панегирических восхвалений; было установлено, что главы «Истории» о преставлении киновиархов носят преимущественно компилятивный характер и доля авторского текста в описаниях погребений не столь велика, как представлялось ранее.

Не вызывает сомнений тот факт, что в «Истории Выговской пустыни» устные источники превалируют над письменными. Даже придя в общежительство в 1714 г., Иван Филиппов имел большие возможности для сбора материала: еще были живы участники и непосредственные свидетели начальной истории, очевидцем и участником последующих событий историограф стал сам. Преимущественное использование устных источников и личных наблюдений придало его произведению исключительную фактографичность, точность и детальность изложения. Достоверность сочинения Ивана Филиппова никогда не подвергалась сомнению; более того, практически все исследовательские работы по истории Выговской пустыни опирались на него как на главный источник.

Иван Филиппов уже в самом начале сочинения сформулировал свой подход к материалу: в «Истории» он пишет только о том, что «ушима нашама (...) уведахом» от людей, «достоверно же и согласно к себе же и друг ко другу поведающих», или что видел сам («самема очесы своими неложную почовствовахом истину» — с. 2). Из этих слов следует, что автор перепроверял устные источники и использовал только те рассказы, в достоверности которых не сомневался.³⁷

В тексте «Истории Выговской пустыни» отсылки на конкретный устный источник редки, однако анализ и этих немногочисленных указаний позволяет сделать ряд важных наблюдений.

³⁶ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 400—406.

³⁷ См. также: Гурьянова Н. С. История и человек... С. 117.

Повествование о проповедниках старообрядчества в Поморье, в частности иноках Пимине, Игнатии и Епифании Столпозерском, вошедшее в первую часть «Истории Выговской пустыни», основывается на рассказах многих лиц, имен которых поздняя традиция не сохранила. На это указывает не только употребляемое Иваном Филипповым множественное число: «слышах от достоверных мужей» (с. 32), «поведают же и сию дивную вещь о отце Пимине» (с. 34), «еще о отце Епифании мало скажем, еже слышахом от достоверных мужей» (с. 49), причем это вряд ли является этикетной формулой, поскольку в аналогичном случае Иван Филиппов мог указывать и на единственного рассказчика: «слышах о сей Палеостровской обители от достовернаго свидетеля» (с. 59). В описаниях поморских «гарей» выговский историк не скрывал разноречивости устных рассказов об этих трагических событиях в истории старообрядчества: о Палеостровском самосожжении 1687 г. он писал: «...а овии глаголаху, по благословиению отца Игнатия сами зажгошася» (с. 41), о Пудожском 1693 г.: «...овые глаголют, яко служивыи научиша мужика и зажже, а овые глаголют, что зажгошася» (с. 63).

Ссылки на очевидцев выговской истории конца XVII — начала XVIII в. носят более конкретный характер. Говоря о своей работе над сочинением, Иван Филиппов не случайно выделяет имя первопоселенца Захария Стефанова Дровнина († 9 мая 1737 г.) (с. 91), рассказы которого он широко использовал в главах второй части «Истории» и в патериковой 80-й главе.³⁸ По-видимому, столь же близким историографу человеком был выговский нарядник Лука Федоров (1669—1 марта 1735 г.): на него Иван Филиппов ссылается в главе, посвященной Ивану Внифантьеву: «...после его смерти поведана про него Лука вышепомянутой» (с. 285); только из уст самого Луки Федорова можно было почерпнуть подробности кончины его матери Евдокии Андреевой (с. 354—355). Отдельная глава в «Истории» посвящена «сроднику» Луки Федорова Ивану Кириллову (с. 328).

Иван Филиппов слушал также рассказы Алексея Лаврентьева Корельского, который «тело свое целомудрено и чисто соблюде, яко поведана сам списателю сего» (с. 324); сестры первого уставщика пустыни Петра Прокопьева Февронии Прокопьевой о вдове Евдокии Андреевой («Еще про ею поведала Феврония Прокопиевна» — с. 355); одной из жительниц Лексинской обители, тайное прегрешение которой стало известно той же Евдокии Андреевой («Некая сестра мне сама поведала про себя» — с. 354).

Рассказы об особых происшествиях в жизни пустыни — по вполне понятным причинам — становились достоянием многих, передавались из уст в уста, и трудно сказать, на каком этапе бытования подобных легендарных преданий их слышал Иван Филиппов. Васса Угаркова, удостоившаяся видения после смерти Петра Прокопьева, «сказа сперва отцу духовному и малым людем, яко от иного видение, а не от себе, а после сказа и от себя» (с. 165). Инок Пафнутий Кольский († 3.06.1734), который за два или три года до пожара на Лексе 1727 г. получил проречение о разрушении обители и новом строительстве, сначала «сказа сие малым людем. Потом, егда же поставился на том месте благодатию Христовою монастырь, тогда старец он сказа и прочим всем» (с. 199). В связи с чудесным избавлением Богояв-

³⁸ См.: Там же. С. 118—123.

ленской часовни от пожара 17 июня 1737 г., чему историк был сам свидетелем («сие сам аз, недостойный, видех своима очима и писанию предах» — с. 274), Иван Филиппов вспоминает подобный случай, бывший «при животе настоятеля блаженныя памяти Андрея и при пономаре Борисе, а которого году, того писати не вем: услышах у братии соборной...» (с. 274).

Патериковые главы третьей части «Истории» обнаруживают еще один устный источник — рассказы духовных отцов, свидетельствовавших уже после смерти своих духовных детей об их богоугодной и целомудренной жизни. Прямое указание на это находим в главе об Иакове Повенецком: «И после преставления его поведи отец его духовный: все житие свое целомудренно препроводи, девство и чистоту беспреткновенно сохрани и зависти и гнева и гордости никогда же не имеяше» (с. 291); Марии Федоровой, по молитве которой чудесным образом погасла загоревшаяся было в келье свеча, о чем «оная сама вдуховне сказа духовным людем и оныя после смерти ея поведаша иным» (с. 357). Не только как упоминание о долге христианина, но и как указание на источник сведений можно рассматривать ряд других подобных фрагментов: Григорий Иванов «при животе своем часто отцу своему духовному всегда исповедашеся, все сказоваше и на церковном пении всегда прихождаше к старцу и сказоваше помыслы свои вси или что во ум прихождаше» (с. 292); Матфей с Космозерского села «добрым подвигом иночество свое препроводи и девство и целомудрие свое сохрани. Сам о сем поведи отцу своему духовному» (с. 296); Васса Угаркова «отцу своему духовному часто исповедашеся и епитимии от него взимаше и исправляше» (с. 352).

Даже из тех немногочисленных ссылок на устные источники, которые удастся обнаружить в «Истории», очевидно, сколь серьезно Иван Филиппов относился к своему труду: он собирал рассказы не только о заметных событиях и происшествиях в жизни староверческой обители, но также о добродетельном житии ее насельников, что и придало его сочинению такую широту и многоплановость.

Существенным для изучения «Истории Выговской пустыни» представляется также вопрос о соотношении этого памятника с другими выговскими сочинениями того же времени. Без сомнения, они все были автору хорошо известны: одними он воспользовался, причем весьма ограниченно, при работе над текстом своего собственного произведения, другие упомянул. Таких случаев можно насчитать четыре. Говоря о старообрядцах раннего периода, Иван Филиппов отсылает читателя к «Истории об отцах и страдальцах соловецких» и «Винограду Российскому» Семена Денисова: «...оставляю сие множества ради повествовати Соловецкой и нынешней мученической новой истории, о страдальцах написанным повестем» (с. 26; см. также с. 18). Названы в «Истории» и «Поморские ответы»: «...посылаю читателей истинно уведати на ответную книгу, которая от староверцев Выговской пустыни подана в Синод» (с. 18). Очевидно, что историограф не хотел пересказывать содержание тех памятников, которые были хорошо известны его читателям. Любопытных в каждом конкретном случае он отсылает к конкретному источнику — Житию Корнилия: «Но сие все оставляю читателем известно ведати и списанное его отеческое житие читати» (с. 123) и Житию Мемнона: «Аз же грубословесною моею тростию вкратце о нем явих

вам, а желающих же пространнее о нем слышати оставляю житие его и страдание читати и насладитися чудного жития его и мучения» (с. 278).

Одному из первых выговских поселенцев — Ивану Внифантьеву посвящена не только отдельная глава «Истории Выговской пустыни» (гл. 66), но и житие, созданное в 1725—1727 гг. Сравнительный анализ этих текстов показал, что они создавались независимо друг от друга, их авторы опирались на собственный круг устных источников.³⁹ Иван Филиппов основывался на рассказе Луки Федорова, содержавшем не так много реальных подробностей жизни выговского трудника; центральным сюжетом своего повествования историограф сделал проблему переименования, волновавшую его самого. Самостоятельность содержания двух названных памятников, посвященных одному герою, свидетельствует, насколько широко устные предания о начале Выговской пустыни бытовали среди общегитителей, как долго из уст в уста передавались рассказы о первых насельниках Выга.

Связь повествования Ивана Филиппова с Кирилло-Епифаниевским житийным циклом была подробно охарактеризована Н. В. Поньрко: автор «Истории», выступивший в 1733—1740 гг. литературным редактором этого памятника, воспользовался первоначальными записками автора-агиографа в главе о старце Виталии Московском (гл. 24; эти сведения в житийный цикл не вошли).⁴⁰ Как кажется, фрагменты этих записок Иван Филиппов включил в свой текст, во всяком случае упоминания об очевидце (с. 119) есть больше оснований отнести к неизвестному агиографу, чем к самому «историописателю», хотя он также происходил из Шуйского погоста.

Приведенный материал позволяет прийти к выводу, что Иван Филиппов как историк занимал ярко выраженную самостоятельную позицию и ценил оригинальность своего сочинения, избегая «перепевов» известных сюжетов. Во всех случаях, когда событие было описано кем-то из его предшественников, он отсылал читателя именно к этим источникам, когда у него имелся дополнительный материал, он излагал только его.

Судя по косвенным данным (упоминанию «Винограда Российского» как новосочиненного памятника и использованию первоначальных записок автора Кирилло-Епифаниевского житийного цикла), к работе над «Историей Выговской пустыни» Иван Филиппов приступил после 1733 г. Надо полагать, что первая, вторая и в основных чертах третья части были написаны в 1730-е гг., в 1740—1744 гг., когда писатель стал киновиархом пустыни, он работал уже только над четвертой частью, добавив к третьей части лишь несколько глав (о тех выговцах, которые умерли в это время). Из всего объема сочинения можно с уверенностью выделить только одну главу, которая не принадлежит перу Ивана Филиппова, поскольку в тексте о нем говорится в третьем лице. Однако описание этого раннего чуда, происшедшего в 1730 г. (гл. 44), мог включить в «Историю» сам историограф, поскольку здесь также затронута волновавшая его тема переименования.

История бытования сочинения Ивана Филиппова рассмотрена в монографии Н. С. Гурьяновой.⁴¹ Текстологический анализ рукописных списков

³⁹ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Ранняя выговская агиография: Житие Ивана Внифантьева. С. 153—170.

⁴⁰ Поньрко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл... С. 164—169.

⁴¹ См.: Гурьянова Н. С. История и человек... С. 84—101.

памятника конца XVIII—XIX в. позволил исследовательнице охарактеризовать Краткую редакцию «Истории», возникшую в результате сокращения некоторых глав (прежде всего первых 18) и литературного редактирования текста. По свидетельству Григория Яковлева, эта работа была проведена учеником Семена Денисова и постоянным литературным сотрудником Ивана Филиппова Алексеем Иродионовым.

Как крупнейший памятник выговской агиографии «История» Ивана Филиппова оказала существенное влияние на последующую литературу общежительства. В конце 1750-х—1760-е гг. к ней было составлено «Дополнение», описывавшее события киновиаршества Ивана Филиппова и Мануила Петрова и доведенное до смерти последнего в 1759 г. Автор этого несравнимо меньшего по объему труда избрал принцип развернутого погодного изложения. Возможно, переход к летописной форме подсказал позднейшим выговским книжникам мысль составить общий летописец, начинающийся с самого зарождения общежительства. Нами было установлено, что на основе выборки точно датированных известий из текста Пространной редакции «Истории Выговской пустыни» в 60—70-е гг. XVIII в. были составлены Первая редакция Выго-Лексинского летописца и свод синодичных записей о выговских отцах.⁴² С одной стороны, летописец продолжил историографическую традицию Ивана Филиппова, но с другой — обнаружил и ее затухание: обращение к форме кратких погодных записей (а не к развернутому историческому повествованию) отразило общее состояние выговской литературы, после братьев Денисовых и их ближайших учеников переживавшей заметный упадок.

К «Истории» в 80-е—начале 90-х гг. XVIII в. обратились выговские агиографы: Андрей Борисов при написании Жития Андрея Денисова и Тимофей Андреев при создании Жития Семена Денисова. Обширные фрагменты текста Ивана Филиппова оказались включенными в эти поздние житийные памятники.⁴³

Проведенный анализ содержания и источников повествования «Истории Выговской пустыни», сравнение этого памятника с другими близкими ему сочинениями позволяют, на наш взгляд, лучше понять глубину историографического проекта, задуманного основателями обители в 1710-е гг. и явившегося закономерным следствием обретения Выгом «культурной оседлости».⁴⁴ Не риторика, но скрупулезно собранные факты стали подтверждением преэминентности поморского общежительства по отношению к деятелям раннего старообрядчества и доказательством сохранения на Выгу истинной веры. «История Выговской пустыни» осталась непревзойденным историческим трудом не только в рамках литературной школы старообрядческого общежительства: это редкий памятник для всей церковной письменности XVIII в.

⁴² Подробнее см.: Юхименко Е. М. Выго-Лексинский летописец: История текста и создания. С. 255—260.

⁴³ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. С. 419—423, 427—429, 448.

⁴⁴ См.: Поньрко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297—303.